

НЕКТО ГИТЛЕР ПОЛИТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

СЕБАСТЬЯН ХАФНЕР

AMMERK-
UNGEN
ZU HITLER

Себастьян Хафнер

Некто Гитлер:
Политика преступления

«Издательство Ивана Лимбаха»

1978

УДК 94 (430) «1932/1945» = 161.1 = 03.112.2
ББК 63.3 (4Гем) 613 + 63.3 (4Гем) 62-46-021 83.3

Хафнер С.

Некто Гитлер: Политика преступления / С. Хафнер —
«Издательство Ивана Лимбаха», 1978

ISBN 978-5-89059-340-5

«Anmerkungen zu Hitler» («Примечания к Гитлеру») немецкого историка Себастьяна Хафнера (1907–1999) – аналитический комментарий к его художественному бестселлеру «История одного немца» (1939), написанный спустя сорок лет (1978). И сегодня – еще через сорок лет – это ясное и глубокое исследование феномена политического чудовища обладает всеми качествами безусловного «мастрида». Недаром историк и политолог Голо Манн (сын Томаса Манна) призывал изучать «Anmerkungen zu Hitler» в старших классах школы. Понимание того, как и почему «некто», плоть от плоти толпы, может стать популярным политиком и повести толпу на преступление, обретает особую ценность в наше время, дающее безграничные технологические возможности превращения личного психоза в массовый.

УДК 94 (430) «1932/1945» = 161.1 = 03.112.2
ББК 63.3 (4Гем) 613 + 63.3 (4Гем) 62-46-021 83.3

ISBN 978-5-89059-340-5

© Хафнер С., 1978
© Издательство Ивана Лимбаха, 1978

Содержание

После дуэли	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Себастьян Хафнер

Некто Гитлер. Политика преступления

Sebastian Haffner

Anmerkungen zu Hitler

© 1978, 1998 by Kindler Verlag GmbH, München. Published by permission of Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, Germany

© Н. Л. Елисеев, перевод, статья, комментарии, 2018

© Н. А. Теплов, дизайн обложки, 2018

© Издательство Ивана Лимбаха, 2018

* * *

После дуэли

Эту книгу логично было бы издать в комплекте с «Историей одного немца» того же автора, написанной в 1938–1939 годах и опубликованной в Германии в 2000-м¹. Потому что эта книга диалогична и антитетична по отношению к той первой книге антифашиста, эмигранта из гитлеровской Германии, немецкого патриота и пруссака-либерала Раймунда Претцеля (1907–1999), ставшего в Великобритании публицистом и историком Себастьяном Хафнером.

Та первая книга, оставшаяся лежать в столе до самой смерти Хафнера и опубликованная его сыном Оливером Претцелем, описывает опыт интеллигента в фашизирующемся, то есть звереющем на глазах, обществе и объясняет, почему он, немецкий, прусский патриот, не увидел для себя никакого иного выхода, кроме эмиграции. Объяснение Хафнера парадоксально, но верно: именно потому, что патриот.

Невмочь стало жить в стране, культурой и историей которой ты гордишься, среди народа, неотвратимо превращающегося в шайку отвязного хулиганья и вызывающего брезгливый страх у других народов.

Позволю себе большую цитату из первой книги Хафнера, через шесть десятков лет ставшей последней по иронии истории и его собственной судьбы:

Добровольно совершить эту операцию – внутреннее отсечение себя от собственной страны – есть акт библейского радикализма: «Если твой глаз соблазняет тебя – вырви его!» Очень многие, почти решившиеся на этот шаг, все-таки его не сделали, и с той поры их души и мысли так и спотыкаются; эти люди в ужасе от тех преступлений, что совершаются от их имени, но они не в силах отрешиться от своей ответственности за них и тщетно бьются в сетях мнимо неразрешимого конфликта: должны ли они принести в жертву своей стране свой взгляд на вещи, свою мораль, человеческое достоинство и совесть?

Ведь то, что они называют «невиданным подъемом Германии», показывает, что приносить эти жертвы выгодно, что за такие жертвы вознаграждают. Они не замечают того, что нации, как и человеку, нет пользы, если они приобретут весь мир, но потеряют душу. Они не замечают и того, что своему патриотизму, или тому, что называют патриотизмом, они приносят в жертву не только себя, но и свою страну.

Ибо Германия перестала быть Германией, и это сделало прощание неизбежным. Немецкие националисты сами ее разрушили. Стало ясно как день: отказ от собственной страны ради сохранения верности себе – это только внешняя сторона конфликта. Подлинный мучительный конфликт, разумеется, скрытый за великим множеством фраз и плоских доводов, разыгрывался между национализмом и верностью своей собственной стране.

Германия, та, которую я и подобные мне люди считали «нашей страной», была, в конце концов, не просто большая или очень большая клякса на географической карте Европы. Наша страна имела совершенно определенные характерные черты: гуманность, открытость всему миру, глубокая основательность философии, неудовлетворенность миром и самим собой; отважная решимость вновь и вновь браться за неподъемное дело, отказываться от него и снова браться, самокритика, любовь к истине, объективность, высокая требовательность к себе, точность, многоликость, некоторая неповоротливость, удивительным образом соединенная со страстью к свободнейшим импровизациям, медлительность и серьезность, но в то же время творчество, созидание, когда, шутя и играя, рождают на свет всё новые и новые формы, которые затем отбрасываются прочь как негодные попытки; уважение ко всему своеобразному

¹ В 2016 г. книга Себастьяна Хафнера вышла в Издательстве Ивана Лимбаха под названием «История одного немца: Частный человек против тысячелетнего рейха».

и своеобразному; незлобивость, великодушие, сентиментальность, музыкальность, но прежде всего великая свобода: нечто парящее, безмерное, не покоряющееся чему бы то ни было и ничем не связывающее себя. Втайне мы гордились тем, что наша страна в духовном отношении – страна безграничных возможностей. И во всяком случае это была та страна, с которой мы чувствовали прочную связь, та Германия, которая была нашим домом.

Эта Германия уничтожена и растоптана немецкими националистами, и наконец стало понятно, кто ее смертельный враг: немецкий национализм и «германский рейх». Тот, кто хранит верность Германии; тот, кто хочет и дальше принадлежать этой стране, должен иметь мужество для осознания этого факта и всех его последствий².

Про эту операцию по «внутреннему отсечению себя от собственной страны», про этот «акт библейского радикализма» Хафнер и рассказывает в «Истории одного немца». Отвечает для себя самого на вопрос: почему не остался там, где «его народ, к несчастью», но (уточним широко известную ахматовскую цитату) с большим энтузиазмом «был»? Собственно, первая книга и начинается с ответа на этот вопрос:

История, которую я собираюсь рассказать здесь, – история своеобразной дуэли.

Это дуэль между двумя совсем не равными противниками: невероятно мощным, безжалостным государством и маленьким, безымянным, неизвестным частным человеком. Она разыгрывается не на поле брани, каким принято считать политику; частный человек отнюдь не политик, тем более не заговорщик и не «враг государства». Частный человек все время в обороне. Он ничего не хочет, кроме как сберечь то, что он считает своей личностью, своей собственной личной жизнью и своей личной честью. Все это постоянно подвергается невообразимо brutальным, хотя и довольно неуклюжим атакам со стороны государства, в котором частного человека угораздило жить и с которым ему поэтому приходится иметь дело.

Жесточайшими угрозами государство добивается от частного человека, чтобы он предал своих друзей, покинул свою любимую, отказался от своих убеждений и принял бы другие, предписанные сверху; чтобы здоровался не так, как он привык, ел бы и пил не то, что ему нравится; посвящал бы свой досуг занятиям, которые ему отвратительны; позволял бы использовать себя, свою личность в авантюрах, которые он не приемлет; наконец, чтобы он отринул свое прошлое и свое «я» и при всем этом выказывал бы неумный восторг и бесконечную благодарность.

Ничего этого частный человек не хочет. Он совсем не готов к нападению, жертвой которого он оказался. Он вовсе не прирожденный герой и уж тем более не прирожденный мученик. Он обыкновенный человек со многими слабостями, да к тому же еще продукт опасной эпохи – но всего того, что навязывает ему государство, он не хочет. Вот поэтому он решается на дуэль – без какого бы то ни было воодушевления, скорее уж недоуменно пожимая плечами, но с тайной решимостью не сдаваться. Само собой, он много слабее своего противника, зато увертливей. Мы увидим, как он совершает отвлекающие маневры, уклоняется, внезапно делает выпад, как он увилькивает и, в шаге от гибели, избегает тяжелых ударов. Надо заметить: самого себя он держит именно что за обычного человека без каких-либо героических или мученических черт. И все же в конце концов он бросает борьбу или, если угодно, переносит ее в другую плоскость.

Государство – это германский рейх, частный человек – я. Схватка между нами, наверное, заинтересует зрителей, ведь любое состязание интересно. (Я надеюсь, что заинтересует.) Но я рассказываю все это не только для развлечения. Другое, более важное намерение лежит у меня на сердце.

² Себастьян Хафнер. История одного немца: Частный человек против тысячелетнего рейха / Перевод Н. Елисеева под ред. Г. Снежинской. СПб., 2016. С. 248–250.

Моя личная дуэль с Третьим рейхом далеко не единичное явление. Тысячи и сотни тысяч таких дуэлей, в которых частный человек пытается защитить свое «я» и личную честь от атак сверхмощного, враждебного человеку государства, вот уже шесть лет разыгрываются в Германии – каждая в абсолютной изоляции, в полной безвестности. Некоторые из дуэлянтов – они героичнее, жертвеннее меня – не отступили и оказались в концлагерях, в пыточных подвалах; им, в будущем, несомненно, поставят памятники. Про-чие, те, кто слабее меня, сдались много раньше, чем я уехал; сейчас они или недовольно ворчащие резервисты штурмовых отрядов, или уполномоченные нацистской партии в жилых кварталах. Мой случай как раз усредненный вариант между двумя этими крайностями. На нем хорошо видно, каковы шансы у человека и человечности в нынешней Германии.

Следует признать, что они довольно безнадежны³.

Точка. С прусской основательностью и безапелляционностью, с юридической дотошностью (недаром он окончил юрфак и работал в Верховном апелляционном суде Пруссии) Себастьян Хафнер прочертил два маршрута, по которым вынуждена катиться жизнь и судьба человека, оставшегося в тоталитарном государстве. Либо жертвенный героизм, либо вместе со всеми – в помойную яму всемирного позора.

Потом, когда страна (даст бог) выберется из ямы, можно оправдываться (главным образом перед самим собой): я ведь был не первым учеником, а где-то в середине строя, – но это уже дело твоей сильно покоренной совести, сильно травмированной души. Если совесть у тебя есть, а душа достаточно сильна, ты не сможешь не дать себе ответ: виновен. В той или иной степени, но... виновен. Генерал Бласковиц, мелькнувший на одной из страниц книги, лежащей перед вами, будучи генерал-губернатором оккупированной Польши, бомбардировал Берлин рапортами о безобразиях, чинимых SS, гестапо и айнзацгруппами на подведомственных ему территориях, даже арестовал несколько особо отличившихся эсэсовцев, был снят с должности, отправлен во Францию. (А эсэсовцы, само собой, освобождены.) После войны был привлечен к ответственности на Нюрнбергском процессе. После первого же допроса, еще не арестованный, уже выслушавший от адвоката: «Да все нормально, генерал... Скорее всего, даже оправдают...» – покончил жизнь самоубийством. Потому что совесть была. Душа была жива. Стыд был.

То есть если хочешь сохранить душу и тело живыми, – беги, кролик, беги... Пистолет в кусты и наутек. У тебя дуэльный «Лепаж», а у них... зенитный комплекс. Когда Хафнер писал «Историю одного немца», Оруэлл только задумывал «1984», но выводы и у Хафнера, и у Оруэлла схожи. Человек слаб. Нельзя требовать от него героизма. Нельзя ставить на героизм человека. Сломаться может любой. И никого нельзя упрекать за то, что тот сломался. Себя? Сколько угодно. Но не другого.

Вот такую книжку написал в 1938–1939 годах немецкий эмигрант в Великобритании. Так объяснил свой выбор. Повторюсь, оставил неопубликованной. С той поры для него прошло сорок лет. В 1978 году (после дуэли) он попытался ответить на другие вопросы: кто он – тот, из-за которого мне пришлось бежать из своей страны? Кто смог превратить мою Германию, народ Гете и Гейне, Фонтане и Вирхова, в шайку оголтелого, зверского хулиганья? Как ему это удалось? Некоторые механизмы расчеловечивания Хафнер в первой книге разбирает. Например, он неплохо анализирует яд «товарищества». Честное слово, если в школах России до сих пор проходят «Тараса Бульбу», то после страстного монолога сыноубийцы Тараса я бы советовал учителям и учительницам ознакомить подростков вот с этим текстом:

³ Себастьян Хафнер. История одного немца. С. 7–9.

Днем не было времени думать. Днем не представлялось возможности быть отдельно существующим «я». Днем товарищество было счастьем. Вне всякого сомнения, в таких «лагерях» процветало своего рода счастье – счастье товарищества. Это было счастьем – утром вместе со всеми бежать «по пересеченной местности», а после пробежки вместе со всеми стоять в душевой под сильными струями горячей и холодной воды; счастье – делиться со всеми посылками, которые ты получал из дома, и вместе со всеми делить ответственность за те или иные проступки; счастье – помогать друг другу в бесчисленных мелочах и доверять друг другу во всех делах армейского дня; счастье – затевать вместе со всеми веселые, мальчишеские потасовки, этакую гимназическую кучу-малу; ничем не отличаться друг от друга в широком, грубовато-нежном потоке надежной мужской дружбы, мужской доверительности... Кто посмеет отрицать, что все это счастье? Кто посмеет отрицать, что в человеческой душе живет настоятельная потребность, жажда этого счастья и что в нормальной, гражданской, мирной жизни этого счастья как раз и не сыскать?

Я, во всяком случае, не осмелюсь. Зато я совершенно точно знаю и утверждаю со всей возможной резкостью: это счастье, этот дух товарищества может стать одним из ужасающих средств расчеловечивания – и в руках нацистов как раз и стал таковым. Это – великая приманка, лакомая наживка нацизма. Алкоголем товарищества, который, конечно, нужен человеческому душевному организму в умеренных дозах, они споили немцев, довели до настоящей белой горячки. Они сделали немцев товарищами везде и во всем, с самого беззащитного, некритического возраста они приучали немцев к этому наркотику: в гитлерюгенде, в штурмовых отрядах, в рейхсвере, в тысячах спортивных лагерей и союзов из человека вытраивалось нечто совершенно незаменимое, то, что не может и не должно быть оплачено счастьем товарищества.

Товарищество неотделимо от войны. Подобно алкоголю, товарищество – одно из сильных утоляющих боль и печаль средств, к которым прибегают люди, вынужденные жить в нечеловеческих условиях. Товарищество делает невыносимое «выносимей». Оно помогает выстоять перед лицом смерти, грязи и горя. Оно опьяняет. Оно позволяет забыть потерю всех даров цивилизации, замещая все эти дары собой. Товарищество освящено жестокой нуждой и горькими жертвами. Но там, где оно отделено от жертв и нужды, там, где оно существует только во имя самоценного опьянения и удовольствия, там оно становится пороком, и ровным счетом ничего не меняет то, что оно на некоторое время делает счастливым. Оно портит и развращает человека так, как его не может испортить ни алкоголь, ни опиум. Оно лишает человека способности жить своей собственной, ответственной, цивилизованной жизнью. Оно, по существу, и есть мощное антицивилизационное средство. Всеобщее распутство товарищества, которым нацисты соблазнили немцев, унизило этот народ до самой последней степени.

Нельзя упускать из виду, что товарищество действует как яд на до ужаса важную сторону души человека. Еще раз: яды могут делать счастливыми; душе и телу могут быть нужны яды; в какой-то ситуации яды незаменимы и полезны. Несмотря на все это, они остаются ядами.

Товарищество – чтобы начать с самого главного – полностью устраняет чувство личной ответственности, как в гражданском, так и в религиозном смысле, что значительно хуже. Человек, живущий в условиях товарищества, не знает заботы о своем собственном, отдельном существовании, он исключен из суровой жизненной борьбы. У него есть койка в казарме, довольствие, униформа. Его день расписан по минутам. Ему не нужно ни о чем заботиться. Он не подчиняется жестокому закону «каждый за себя»; его закон великодушно-мягок – «все за одного». Ведь это наглая ложь, что законы товарищества якобы суровее, чем законы индивидуальной, гражданской жизни. Законы товарищества как раз отличаются расслабляющей мягкостью, и они оправданы только в том случае, если речь идет о солдатах на реальной войне, о людях, обреченных погибнуть: лишь пафос смерти извиняет это чудовищное освобождение

от индивидуальной ответственности. Кто не знает, как тяжело храбрым воинам, привыкшим к мягким подушкам товарищества, найти свое место в жестоких условиях гражданской жизни.

Однако гораздо хуже то, что товарищество снимает с человека ответственность за себя самого перед Богом и перед совестью. Человек делает то, что делают все. У него нет выбора. У него нет времени на размышления (разве что он, на свою беду, проснется ночью один-одинешенек). Его совесть – это его товарищи, она дает ему отпущение всех грехов, пока он делает то же, что все⁴.

Опять-таки с прусской (юридической) дотошностью, с прибавлением личного психологического (чтобы не сказать лиро-эпического) опыта разобран один из механизмов превращения человека в зверя. И опять-таки: как же ему (Гитлеру) удалось загнать целую страну, целый народ в такой угол, из которого выход только в казарму или в концлагерь? (И в том и в другом случае – в смерть?) Как ему до определенного этапа вообще все удавалось? Попытки ответа уже мелькали в первой книге не известного почти никому тридцатилетнего немецкого эмигранта, начинающего колумниста английской газеты «Observer»:

Одним из искушений было бегство в иллюзию: чаще всего в иллюзию превосходства. Те, что поддавались этому искушению, – в основном пожилые люди, – смаковали дилетантизм и некомпетентность, которых, конечно, хватало в нацистской государственной политике. Опытные профессионалы чуть ли не ежедневно доказывали себе и другим, что все это не может долго продолжаться, они заняли позицию знатоков, потешающихся над чужим невежеством; они не разглядели самого дьявола благодаря тому, что сосредоточенно всматривались в какие-то детские, незрелые его черты; свою полную, абсолютно бессильную сдачу на милость победителей они, обманывая самих себя, маскировали мнимой позицией наблюдателя, смотрящего на все не то что со стороны, но – свысока. Они чувствовали себя полностью успокоенными и утешенными, если им удавалось процитировать новую статью из «Таймс» или рассказать новый анекдот. Это были люди, которые сначала абсолютно убежденно, а позднее со всеми признаками сознательного, судорожного самообмана из месяца в месяц твердили о неизбежном конце режима. Самое страшное настало для них в тот момент, когда режим консолидировался и когда его успехи нельзя было не признать: к этому они не были готовы. В первую очередь на эту группу с весьма хитрым и точным психологическим расчетом был обрушен ураганный огонь статистического хвастовства; именно эта группа составила основную массу капитулировавших с 1935 по 1938 год. После того как стало невозможно, несмотря на все судорожные усилия, удерживаться на позиции профессионального превосходства, эти люди капитулировали безоговорочно. Они оказались не способны понять, что как раз успехи нацистов и были самым страшным в их диктатуре. «Но ведь Гитлеру удалось то, что до сих пор не удавалось ни одному немецкому политику!» – «Как раз это-то и есть самое страшное!» – «А, ну вы – известный парадоксалист» (разговор 1938 года)⁵.

Вот это «самое страшное» хорошо бы исследовать, понять, когда дуэль окончена, когда твоего противника (вместе с твоей страной) добили англо-американские бомбы и русские штыки. Здесь же есть и личный, обидный для гордого образованного пруссака мотив. Как же так! Вот я и мои друзья учимся, развиваемся, читаем книжки, спорим, грызем гранит науки, и вдруг откуда-то появляется необразованный безумец и побеждает всех нас и ставит нас перед выбором: или в казарму, или в концлагерь, или в эмиграцию? Кто же он? Спустя тридцать лет после его позорного поражения и самоубийства в одной из стран-победительниц (Великобри-

⁴ Себастьян Хафнер. История одного немца. С. 314–318.

⁵ Себастьян Хафнер. История одного немца. С. 224–225.

тании) появляются книги, его реабилитирующие (например, книги Дэвида Ирвинга), в другой стране-победительнице (СССР) растут и ширятся близкие ему настроения. (Этого Хафнер мог и не знать. Хотя... еще в 1973 году Михаил Агурский в сборнике «Из-под глыб» писал «о национал-социалистской опасности в Советском Союзе» – его статья так именно и называлась.)

Хорошо бы взглянуть в этого пусть и на исторический час, но победителя. Внимательно посмотреть на поверженного врага. Да и повержен ли он? Хафнер не был поклонником Бертольта Брехта, но его стихи с перефразировкой знаменитого крика Агриппины, матери Нерона, своим убийцам «Бейте в живот! Он еще может родить другого гада», конечно, знал. И со всей прусской основательностью и юридической дотошностью в гада всмотрелся.

Антитеза

По таковой причине ясно, что книга, которая перед вами, не просто диалогична по отношению к первой книге Хафнера, она ей антитетична. Уж больно главные герои разные. Если говорить в терминах близкой нам литературы (впрочем, и для Хафнера, образованного европейца, эта литература была не чужой), то «История одного немца» – толстовская книга, тогда как «Некто Гитлер» книга из мира Достоевского, мира жуткого, изломанного, гибельного.

Главный герой «Истории одного немца» – герой Толстого: то ли Андрей Болконский, то ли Пьер Безухов, то ли Константин Левин или Нехлюдов. Человек, стремящийся жить по правде и совести, ищущий истину, старающийся «не свернуть с тропинки чести» (Стефан Георге). Человек, старательно анализирующий свои поступки, старающийся понять, где и почему он оступился. Он, а не его страна и не его народ.

Главный герой книги «Некто Гитлер» – герой Достоевского: то ли Смердяков, то ли Верховенский, то ли Раскольников, с выстриженной наотмашь совестью, да и карамазовские черты в нем нет-нет да и проглядывают. Человек страсти и безумных, бредовых идей; человек жуткой, но веры. Веры настолько жуткой и в такие бесчеловечные вещи, что порой закрадывается сомнение: этот сгусток воли и энергии точно человек? «Исчадие ада» по отношению к нему не кажется плоской метафорой.

Самое удивительное, что и историософия одной книги абсолютно антитетична историософии другой. Историософия первой вполне толстовская. Всякий, кто внимательно читал философские страницы «Войны и мира», посвященные поиску «интеграла истории», с их ненавистью и презрением к политике и политикам, особенно с их убеждающей и убедительной уверенностью в том, что все исторические личности, все эти «великие люди» не более чем пена на волнах исторического потока: не от них зависит его направление, не они это направление определяют, – с ходу обнаружит толстовский исток в «Истории одного немца»:

Звучит парадоксально, но все же фактом является то, что действительно большие исторические события разыгрываются между нами, безымянными пешками, затрагивают сердце каждого случайного, частного, приватного человека, и против этих личных и в то же время охватывающих массы решений, которые их субъекты порой даже не осознают, абсолютно бессильны могущественные диктаторы, министры и генералы. Знак, характерный признак этих решающих исторических событий – то, что они никогда не проявляются как массовые; дело в том, что масса, как только она становится таковой, утрачивает способность к действию: настоящее историческое событие всегда проявляется как частное, личное переживание тысяч и миллионов одиночек.

Я говорю не о каких-то туманных исторических конструкциях, но о вещах, чей в высшей степени реальный характер невозможно оспорить. Что, к примеру, было причиной поражения Германии и победы союзников в 1918 году? Высокое полководческое искусство Фоша и Хейга и отсталая стратегия Людендорфа? Ни в коей мере! Главной причиной было то, что

«немецкий солдат», то есть безымянная десятиmillionная масса, внезапно не захотела, как прежде, жертвовать своей жизнью во время каждого наступления и оборонять свои позиции до последнего бойца. Где произошло это решающее изменение? Не на тайных бунтовских сходках немецких солдат, но в сердце каждого из них, каждого в отдельности. Большинство из солдат едва ли сумели бы найти подходящие выражения, чтобы рассказать о происшедшей с ними перемене; это в высшей степени сложное, судьбоносное в полном смысле слова, психологическое явление каждый из них выразил бы разве что возгласом: «Дерьмо!» Если бы среди солдат нашлись бы обладающие даром слова и если бы их спросили о случившемся, то каждый рассказал бы о множестве в высшей степени случайных, в высшей степени частных (а также и не слишком интересных и не слишком значительных) мыслей, чувств и переживаний; здесь оказались бы письма из дома, личные отношения с фельдфебелем, соображения насчет кормежки и размышления о войне, ну и (поскольку каждый немец немного философ) о смысле и ценности жизни. Не мое дело анализировать психологические процессы, решившие исход той войны, однако думаю, они представляют интерес для всех, кто считает, что рано или поздно эти процессы – или подобные им – должны быть описаны⁶.

Для Хафнера, пишущего про Гитлера, а не про частного человека, оказавшегося в государстве Гитлера, этот толстовский подход принципиально не верен. Куда вернее подход Достоевского, немало страниц «Дневника писателя», посвятившего именно политическим играм своего времени. Вот совершенно антитолстовские рассуждения Хафнера из его книги о Гитлере:

[Другая] трудность заключается в господствующей сегодня тенденции по возможности приблизить историю к точным наукам. То есть отыскивать закономерности, прежде всего в экономическом и социальном развитии, преуменьшать роль политического элемента в истории, личного элемента в политике и, соответственно, личности, «великого человека» в истории. Гитлер в эту тенденцию, естественно, не вписывается, и ее приверженец сочтет недостойной для серьезного историка задачу выяснять, что один человек, целых пятнадцать лет действовавший в политике, сделал правильно, а что неправильно, и при этом еще исследовать его индивидуальные черты, да к тому же если это столь непривлекательная личность, как Гитлер. Уже слишком это старомодно!

Однако стоит заметить: как раз феномен Гитлера доказывает, что современная историография находится на ложном пути – как, впрочем, и феномен Ленина или Мао. С той только разницей, что они оказали непосредственное влияние лишь на историю своих стран, тогда как Гитлер толкнул весь мир в совершенно новом направлении – разумеется, не в том, в каком он хотел; это и делает его случай таким сложным и таким интересным.

Для серьезного историка невозможно утверждать, будто без Гитлера история XX века была бы такой, какой она была. Конечно, нельзя со стопроцентной уверенностью сказать, что без Гитлера Вторая мировая война вовсе не началась бы; но совершенно очевидно, что без Гитлера она, если бы и началась, была бы совсем другой – вполне возможно, с другими альянсами, фронтами и результатами. Сегодняшний мир, нравится нам это или нет, – результат деятельности Гитлера. Без Гитлера не было бы разделения Германии и Европы. Без Гитлера американцы и русские не оказались бы в Берлине. Без Гитлера не было бы государства Израиль. Без Гитлера не было бы деколонизации – по крайней мере, такой быстрой и катастрофической; не было бы азиатского, арабского и африканского освобождения и не было бы такого

⁶ Себастьян Хафнер. История одного немца. С. 205–207.

понижения статуса Европы. Вернее сказать, всего этого не было бы без ошибок и поражения Гитлера. Потому что хотел он совсем другого⁷.

Для изменения историософского подхода XX век дал много поводов. Еще в 1938 году можно было утешать себя... да, наверное, все же утешать рассуждениями о том, что Гитлер и подобные ему монстры не более чем пена на океанском гребне истории, но в 1978 году такие рассуждения уже «не каналы». В 1978 году актуальными оказались не рассуждения о том, что «действительно большие исторические события разыгрываются между нами, безымянными пешками, затрагивают сердце каждого случайного, частного, частного человека, и против этих личных и в то же время охватывающих массы решений, которые их субъекты порой даже не осознают, абсолютно бессильны могущественные диктаторы, министры и генералы», но слова Солженицына, писанные за восемь лет до книги Хафнера в романе «Август Четырнадцатого»: «И тут бы утешиться нам толстовским убеждением, что не генералы ведут войска, не капитаны ведут корабли и роты, не президенты и лидеры правят государствами и партиями, – да слишком много раз показал нам XX век, что именно они»⁸.

И вот это «да слишком много раз показал нам XX век, что именно они» становится одной из невысказанных тем книги Хафнера о Гитлере, о том человеке, который выгнал Хафнера из его родной страны, заставил жить в том городе (Лондоне), на который его, Хафнера, страна сыпала бомбы, за что и получила потом ад с небес, названный американскими и английскими военными по-библейски «Операция „Гоморра“». Потому что «грех приходит в мир, но горе тому, через кого приходит грех». В XX веке было предостаточно политических психопатов (судя по всему, фашизм и коммунизм – политические ответы на психопатологические вызовы этого века), но никто из них не доходил до такого дистиллированного, очищенного бесчеловечья и зверства, до Освенцима и Колымы, как Гитлер и Сталин. По этой причине в них стоит взглянуть. В России до сих пор никто не взгляделся в Сталина так, как взгляделся в Гитлера немец Хафнер, посему стоит описать, как именно Хафнер вглядывался в того, кому поначалу проиграл дуэль.

Вглядывание

Есть еще одно принципиальное отличие «Истории одного немца» и, скажем так, «Истории другого немца». Первая книга Хафнера – многофигурная. Это настоящий роман с диалогами, спорами, фактурными персонажами: тут и отец главного героя, и друг, эмигрировавший раньше него, и богемная Тэдди, и верная «Чарли», и интеллектуалы-фашисты, бывшие приятели «одного немца», ставшие опасными врагами, с которыми ухо над держать остро.

«Некто Гитлер» – книга одиночества. Один-единственный герой или скорее антигерой. Только он – и никого вокруг. Только его комплексы, его действия, его рассуждения. Это очень подходит ему, солипситу и волюнтаристу, уверенному в том, что «мир – это его представление о мире», а если не так, то тем хуже миру. Гитлер закапсулирован. Не раз и не два Хафнер пишет: этот его поступок, это его решение – загадочны, почти необъяснимы. Разумеется, он приводит разные объяснения той или иной загадки, потом дает свое, достаточно обоснованное, но это не означает, что не может быть других:

<...> о Гитлере последних месяцев сложилась некая легенда, которая отнюдь не приукрашивает его, но в известном смысле снимает с него ответственность за агонию Германии

⁷ С. 168–169 наст. изд.

⁸ Солженицын А. Август Четырнадцатого // Солженицын А. Собрание сочинений: В 13 т. М., 2006. Т. 7. С. 349.

1945 года. Согласно этой легенде, Гитлер в конце войны был только тенью самого себя прежнего, тяжело больным человеком, человеческой развалиной, лишенной прежней решительности и силы и будто в параличе глядящей на катастрофу, обрушившуюся на него и его страну. Согласно этой легенде, с января по апрель 1945 года он потерял всякий контроль над происходящим и, оторванный от мира, дирижировал из своего бункера армиями, которых не существовало, метался от внезапных приступов бешенства к летаргической резиньяции, среди руин Берлина фантазировал об окончательной победе. Он был слеп к окружающей его реальности – это верно, но верно по отношению к Гитлеру любого периода его жизни.

В этой апокалиптической картине пропущена важнейшая деталь. Конечно, состояние здоровья Гитлера в 1945 году было не самым лучшим; конечно, он постарел, и после пяти военных лет нервы его были на пределе (как, впрочем, и у Рузвельта с Черчиллем), конечно, он пугал свое окружение все большей угрюмостью и все более частыми приступами бешенства. Но искушение эффектно нарисовать конец Гитлера пеплом и серой в духе «гибели богов» мешает увидеть то, что Гитлер последних месяцев войны еще раз обрел невероятную энергию и потрясающую силу воли, причем это был наивысший расцвет его энергии. Некоторое ослабление воли, некий паралич, падение в бездумную летаргию скорее можно заметить в предшествующий период, в 1943 году (именно тогда Геббельс с тревогой писал в своем дневнике о «кризисе вождя») и в первом полугодии 1944 года. Но перед лицом неизбежного поражения Гитлера словно гальванизировало. Его рука могла дрожать (последствия покушения 20 июля 1944 года), но хватка этой дрожащей руки была все еще – или снова – стремительна и смертельна. Решимость стиснувшего зубы бойца и яростная активность физически очень ослабевшего Гитлера с августа 1944-го по апрель 1945-го в некотором смысле поразительны⁹.

Вот этим «в некотором смысле поразительно» пронизана вся вторая книга Хафнера. Вся структура ее парадоксальна, оксюморонна.

Глава «Жизнь». Краткий очерк жизни и судьбы, с прочерчиванием главных характеристических черт:

В названиях многих биографий под именами их героев стоят слова «Его жизнь и его время», причем «и» здесь скорее разделительный, чем соединительный союз. Биографические и исторические главы чередуются друг с другом; крупная личность пластически, скульптурно выделяется на плоском фоне истории своего времени; эта личность столь же возвышается над этой историей, сколь и вращается в нее. Биографию Гитлера так не написать. Все, что в ней есть, сливается с современной ей историей, является этой историей. Молодой Гитлер рефлектирует над ней, срединный Гитлер все еще рефлектирует, но уже вмешивается в ее ход, поздний Гитлер этот ход определяет. Сначала история делает Гитлера, потом он делает историю. Только об этом и стоит говорить. Что же до жизни Гитлера, то здесь сплошное белое или черное пятно – после 1919-го так же, как и до 1919-го. Отделаемся от этого поскорее.

В этой жизни – «после», как и «до», – отсутствует все, что придает человеческому существованию нормальный вес, теплоту и достоинство: образование, профессия, любовь и дружба, брак, отцовство. Если отвлечься от политики и политических страстей, это бессодержательная жизнь, и поэтому, конечно, жизнь несчастливая, но странным образом легкая, легковесная и потому легко отбрасываемая. Постоянная готовность к самоубийству сопровождает Гитлера на всем его политическом пути. А в конце финальной точкой, как нечто само собой разумеющееся, действительно стоит самоубийство¹⁰. <...>

⁹ С. 234–235 наст. изд.

¹⁰ С. 43–44 наст. изд.

Глава «Достижения»:

<...> В первые шесть лет своей двенадцатилетней власти Гитлер поразил своих друзей и недругов своими достижениями, которых никто от него не ожидал. Это были те самые достижения, что тогда смутили и обезоружили его противников – в 1933 году его противниками было большинство населения Германии, – те самые достижения, благодаря которым у значительной части старшего поколения немцев к Гитлеру сохранилось своего рода тайное уважение.

До взятия власти у Гитлера была только одна слава – слава демагога. Его достижения в качестве оратора и массового гипнотизера были неоспоримы, именно они позволили ему достичь политических вершин во время кризиса 1930–1932 годов и год от года становиться все более серьезным претендентом на власть. Но едва ли хоть кто-нибудь ожидал, что, добравшись до власти, он сможет ее удержать. Править – таков был общий глас – совсем не то, что произносить речи. Запоминалось также то, что Гитлер в своих речах, полных безудержных оскорблений руководителей страны, требований неограниченной власти для себя и для своей партии, заискиваний перед недовольными всех мастей, а также очевиднейших противоречий, ни разу не сделал ни одного конкретного предложения; он ничего не сказал о том, как намерен справиться с экономическим кризисом и безработицей – тогдашней всеобщей бедой. Курт Тухольский высказал мнение многих, когда писал: «Нет человека Гитлера, есть только шум, который он производит». Тем мощнее был психологический удар, когда человек Гитлер после 1933 года показал себя энергичным, успешным, эффективным деятелем¹¹.

Объективно, спокойно: ведь были же у него достижения; в противном случае как бы он удержался у власти почти десятилетие и пусть на короткое время, но завоевал всю Европу, за исключением одного острова.

Глава «Успехи». Столь же объективно, столь же спокойно: кто рискнет отрицать, что у демагога и популиста Гитлера не было успехов? То-то и оно, что были... Глава начинается, по обыкновению, парадоксально хлестко, с ходу обозначает проблему, сразу задает загадку-задачу:

Гитлеровская парабола успехов представляет собой такую же загадку, как и его парабола жизни. Там, если вы помните, существовал бросающийся в глаза разрыв между полной бездеятельностью и безвестностью первых тридцати лет и публичной активностью большого масштаба следующих двадцати шести, что требовало объяснений. Здесь такой же разрыв, причем повторяющийся дважды. Все успехи Гитлера приходятся на двенадцать лет, с 1930 по 1941 год. Прежде в своей политической карьере, худо-бедно десятилетней, он был оглушительно неуспешен. Его путч 1923 года провалился, его вновь образованная в 1925 году партия до 1929 года была одной из мелких партий Веймарской республики. После 1941 года, даже с осени 1941-го, – никаких успехов: военные операции проваливаются, поражения множатся, союзники отпадают один за другим, вражеская коалиция укрепляется. Конец всем известен. Но с 1930-го по 1941-й, к удивлению всего мира, Гитлеру удавалось все, что он затевал во внутренней, внешней и военной политике.

Посмотрим на хронологию: 1930 год – число голосов «за» на выборах в рейхстаг увеличилось в восемь раз; 1932 год – в шестнадцать раз; январь 1933 года – Гитлер рейхсканцлер; июль 1933 года – все конкурирующие партии распущены; 1934 год – Гитлер рейхспрезидент и верховный главнокомандующий; тотальная власть. Во внутренней политике ему теперь нечего и не у кого выигрывать; и тогда начинается серия внешнеполитических успехов: 1935 год – всеобщая воинская обязанность в Германии (фактическая денонсация Версальского договора – и

¹¹ С. 71–72 наст. изд.

ничего не происходит); 1936 год – ремилитаризация Рейнской области (фактическая денонсация локарных соглашений – и ничего не происходит); 1938 год – аншлюс Австрии (и ничего не происходит); сентябрь 1938-го – аншлюс Судетской области (а это происходит с ясно выраженного согласия Франции и Англии); март 1939 года – создание протектората Богемии и Моравии, захват Мемеля. На этом заканчивается серия внешнеполитических успехов Гитлера, только теперь он наталкивается на дипломатическое сопротивление. Тогда начинаются военные успехи: сентябрь 1939-го – победа над Польшей, 1940-й – оккупация Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и Люксембурга, победа над Францией, 1941-й – оккупированы Югославия и Греция. Гитлер владеет всем Европейским континентом.

В общем и целом: десять лет сплошных неудач; затем двенадцать лет непрерывных, кружащих голову успехов; вновь четыре года неудач с катастрофой в финале. И на этот раз между успехами и неудачами на первый взгляд совершенно необъяснимый разрыв.

Можно попытаться, если есть желание, поискать аналоги в мировой истории – и не найти ничего подобного. Взлет и падение – да; череда успехов и неудач – да. Но никогда и ни у кого не было этих трех резко ограниченных периодов: сплошные неудачи, сплошные успехи и снова сплошные неудачи. Никогда один и тот же человек не проявлял себя сначала как, казалось бы, безнадежный неумеха, потом как, казалось бы, гениальный умелец, а под конец снова как, на этот раз несомненно, безнадежный неумеха и дилетант. Это требует объяснений. Не следует инстинктивно хвататься за очевидные примеры. Они ничего не объясняют¹².

Хафнер объясняет, и объяснение его почти гениально. Оно в конце главы:

Конечно, об этом успехе (победе над Францией. – Н. Е.) можно сказать то же, что и о любых других успехах Гитлера. Он не был чудом, каким предстал перед всем миром. Наносил ли Гитлер смертельный удар Веймарской республике или парижской мирной системе, побеждал ли он немецких консерваторов или Францию, во всех случаях он подталкивал падающего, добивал умирающего. Чего у него не отнять, так это безошибочного чутья на то, что уже падает, уже умирает и только ждет удара милосердия. Этим чутьем он превосходил всех своих конкурентов; еще в юности, в старой Австро-Венгрии, он уже обладал им, благодаря этому чутью ему очень долго удавалось убеждать как современников, так и самого себя в своей всепобеждающей мощи. Но это чутье, несомненно, необходимое политику, весьма мало напоминает зоркость орла, скорее – нюх стервятника¹³.

И только после этих глав идут «Заблуждения», «Ошибки», «Преступления»:

Вне всякого сомнения, Гитлер принадлежит политической истории, и столь же несомненно то, что Гитлер принадлежит криминальной хронике. Он безуспешно пытался создать всемирную империю. В таких предприятиях всегда проливается много крови; но, несмотря на это, никого из великих завоевателей, от Александра Македонского до Наполеона преступником не называют. Гитлер не потому преступник, что пытался им подражать.

По совершенно другой причине. Гитлер уничтожил неисчислимое количество ни в чем не повинных людей, без какой-либо военной или политической необходимости, а просто ради личного удовлетворения. По этой причине он стоит в одном ряду не с Александром или Наполеоном, а с психопатами-маньяками, женоубийцей Кюртеном и детоубийцей Хаарманном, с той только разницей, что Кюртен и Хаарманн действовали кустарными, ремесленными способами, тогда как Гитлер поставил убийства на конвейер. Его жертвы исчисляются не десятками,

¹² С. 102–104 наст. изд.

¹³ С. 136 наст. изд.

даже не сотнями, но миллионами людей. Он был не просто серийный убийца, но массовый серийный убийца¹⁴.

Не могу не обратить внимание русского читателя на то, что в первом предложении Хафнер почти что цитирует резкую антисталинскую инвективу из «Архипелага ГУЛАГ»: «И еще смеют нам визжать (из Пекина, из Тираны, из Тбилиси, да и своих подмосковных боровов хватает): „Как смели его разоблачать!“ „Тревожить великую тень!“ „Он принадлежит мировому коммунистическому движению!“ – а по-моему, Уголовному кодексу он принадлежит».

И только после главы «Преступления» завершающим аккордом – «Предательство». Последний круг ада. Хуже предательства на земле нет ничего. По крайней мере, так полагал Данте (на самом дне ада у него размещены предатели). Перед нами образцовая речь судьи. Хафнер учитывает все обстоятельства дела: да, были достижения, имели место успехи, но... господа присяжные заседатели... нельзя не учитывать... преступления и финальное... предательство. Кого и как предал Гитлер, я рассказывать не буду. Это самое интересное и самое парадоксальное суждение Хафнера. На мой взгляд, отнюдь не бесспорное. Доказательства в пользу своего суждения Хафнер приводит довольно убедительные. Психологически убедительные.

Кто он?

Изыщество конструкции книги Хафнера в том, что она не механистична, не схематична, не арифметична. Помните, как в «Кроткой» ростовщик, рассказывая о своем сватовстве, усмехается: «Конечно, я имел настолько вкуса, что, объявив благородно мои недостатки, не пустился объявлять о достоинствах: „Но, дескать, взамен того имею то-то, то-то и это-то“». Такого арифметического взвешивания (типа: автобаны построил, но шесть миллионов евреев убил – взвешивайте) у Хафнера нет.

Уже в двух первых главах Хафнер умело показывает, как все достижения и успехи Гитлера были накрепко связаны с его преступлениями. Как все эти достижения и успехи торили дорогу войне, геноциду. Тактика ошеломительных успехов, когда политик внаглую нарушает все правила политической игры, да и просто человеческого общежития, бьет первым и, не обинуясь, прихватывает себе то, что плохо лежит, на первых порах не может не принести успех, тем жутче и катастрофичнее будет поражение, – такой вывод можно сделать из книги Хафнера. Причем поражение это ударит не только по лихому и бессовестному авантюристу, но и по всем тем, кто вольно или невольно вступил вместе с ним на тропу чудесных достижений и успехов. Кара неизбежна. Бог долго терпит, да больно бьет. (Интересно, что эквивалента этой русской поговорки нет ни в одном европейском языке.)

Кто же этот авантюрист, увлекший за собой в гибель и позор целую страну, целый народ? И вот, пожалуй, это самый сильный парадокс Себастьяна Хафнера. И самый, заметим, уязвимый:

Некоторые английские историки во время войны пытались доказать, что Гитлер, так сказать, закономерный продукт всей немецкой истории; что от Лютера через Фридриха Великого и Бисмарка идет прямая линия к Гитлеру. Всё наоборот. Гитлер глубоко чужд любой немецкой традиции, и более всего он чужд лютеранско-прусской традиции, не исключая ни Фридриха, ни Бисмарка, традиции трезво-самоотверженного служения государственному благу. Но трезво-самоотверженное служение государственному благу – это как раз последнее, в чем можно заподозрить Гитлера, даже успешного Гитлера предвоенного периода. Немецкая государственность – не только в ее правовом, но и в организационном аспекте, – была с самого начала пожертво-

¹⁴ С. 202 наст. изд.

вана Гитлером во имя тотальной мобилизации народа и (не будем об этом забывать) во имя собственной незаменимости и несменяемости; об этом мы уже писали в предыдущих главах. Трезвость он планомерно изгонял одурманиванием масс; можно сказать, что шесть лет он накачивал немцев наркотиками, да и сам был для них наркотиком, которого лишил их во время войны. А что до самоотверженности, то Гитлер как раз крайний и самый яркий пример политика, ставящего свое личное сознание избранности выше всего и меряющего свою политику масштабами своей собственной биографии; впрочем, не будем повторять то, о чем было сказано более подробно. Обратившись к его политическому мировоззрению, нельзя не заметить, что он вообще в своем политическом мышлении не принимал в расчет государство, он оперировал только понятиями нации и расы; это объясняет грубость его политических действий и – одновременно – неспособность превратить свои военные победы в политические успехи: политическая цивилизация Европы – и Германии, само собой, тоже – с конца эпохи Великого переселения народов жила на том, что войны ведутся между государственными образованиями, оставляя в стороне как народы, так и расы.

Гитлер не был государственным деятелем, и уже хотя бы поэтому он стоит особняком в немецкой истории. Но его невозможно назвать и таким народным вождем, каким был, например, Лютер, имеющий с Гитлером только то общее, что оба были уникальны, оба явились без предшественников и не оставили после себя наследников. Но если Лютер во многих своих чертах прямо-таки персонифицировал немецкий национальный характер, то личность Гитлера так же не вписывается в немецкий национальный характер, как его Дворец партсъездов не вписывается в архитектуру Нюрнберга. У немцев даже в период их неистовой веры в фюрера было некое понимание чуждости Гитлера немецкой традиции. К восхищению Гитлером у них всегда примешивалось нечто вроде удивления, удивления тем, что им было подарено нечто столь неожиданное, столь чужеродное, как Гитлер. Гитлер был для них чудом – «посланцем небес», что, прозаически говоря, может означать только одно: некто совершенно необъяснимым образом явившийся извне, свалившийся как снег на голову. «Извне» здесь не только «из Австрии». Гитлер явился к немцам из куда более дальнего далека; сперва, ненадолго, с небес; потом – не приведи впредь, Господи, – из глубочайших пропастей ада¹⁵.

Для Хафнера Гитлер – не порождение немецкой истории. Для Хафнера он – порождение европейской революции, того социального взрыва, который в той или иной мере пережила вся Европа после Первой мировой войны. В этом есть резон. Как есть он и в том, чтобы рассматривать Гитлера по хафнеровскому лекалу как своеобразного (и отвратительного) завершителя и наследника Ноябрьской революции в Германии. Такого нетипичного «Наполеона» Ноябрьской революции и еще более нетипичного пореволюционного диктатора, чем Сталин, с которым Хафнер сравнивает Гитлера не раз – и всякий раз интересно и верно:

¹⁵ С. 252–254 наст. изд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.